

В ЭТУ удивительную ночь он сидел у окна, далеко от своего дома и далеко от своей молодости. Перед ним, не мигая, горели по одному, по два края, а то и по три огня близко друг от друга. На окраине слева лагет собака. Лагет хрипло, басовито. По ее голосу он представляет, что собаке уже много лет. Шерсть на ней старая, ключковатая. И что это большой и злойщип цес, всю жизнь просидевший на цепи. С другой стороны слышатся взбред ленивый, отрывистый. Он просто отвечает старому цесу. Где-то еще в разных концах недружно взлаивают собаки на разные голоса. Но иногда наступает минута тишины. И тогда из уличной темноты доносятся обрывки разговора, смех, приглушенный и затасанный. И опять переключки собак. Над селом со стороны реки поднимается луна. И далеко в обрывке речной воды видно как упал тяжелый и глубинный столб. Цвета он медного. Воздух от луны разжижился, словно в нем растворили медную пыль. Что-то неуловимо знакомое стало казаться в этом свете. В лунном столбе, ушедшем в глубь реки, и в настроении. Что-то уже начало напылять на него издалека, из неясного, как ваюграла гармошка и кто-то зашел:

— А к любви ведет дорожка длинная, Чуть свернул—и больше не найдешь...
Отошли наступившие было воспоминания. И стал он думать о любви. Какая она есть, с чем ее едят? Кто ее выдумал? Встретить бы человека с этой самой любовью...

Всю ночь не гаснет за околицей густая темно-красная заря, и на ее фоне, как огромный крест, дремлет башенный кран. Там строится новый клуб. Сегодня днем он ходит смотреть.

Один за другим гаснут огни в домах, и деревня словно проваливается. И опять на сердце становится мягко, появляется желание что-нибудь вспомнить, хорошее, доброе. О доме не хочется думать. Он слишком примерный. Для других особенно. Дочь и сын кончили школу. И тут только он подумал: ушли годы и седина охолодила голову. Прожил он с женой не шумно, но и без доброго мира. Он сделался давно поседливым и тихим. И как будто в другом мире видит студента Валентина со своими привычками, со страстью ходить по долгим дорогам. Ничего не осталось. Может, так-то лучше. Работа, дом, работа. Аксиома, истина, не требующая доказательств.

А что же он тогда сегодня, как Лиза у Карамзина, рассматривался в эту тихую деревенскую ночь? «Чуть свернул—и больше не найдешь», — завертелось снова в голове. А в самом деле, была ли у него хоть десятая доля любви? Ах, да, вот что ему хотелось вспомнить: давнюю-давнюю встречу.

Его вызвали в область. Как далеко то время! Теперь он давал волю памяти. Здесь он не боится, что позовет жена, остановится за спиной, и с расстановкой выговорит:

—Что, директорская секретарша из голы нейдет?

А уж какие ему секретарши? Билет достался в автобус без места. В дороге быстро ознакомились, заговорили, стали шутить. На заднем сиденье среди ящиков и ушитых толстыми серыми нитками тюков сидела девушка с карими глазами. Черный волос подстрижен под мальчишку. В то время такие прически только только входили в моду. Она была в синем плаще и с сумкой с длинной ручкой. «Модница» — огметил он сразу же, как

увидел ее. Девушка была по-южному загорелой. На выбоинах автобуса изрядно вондывало, и ему волей-неволей приходилось смотреть на нее. Она всякий раз отвечала ему короткой улыбкой и добрым взглядом. От улыбки и от взгляда ее становилось на сердце солнечно, по-новому свежо, как еще никогда не бывало до этого. Потом она сняла туфли, вытянула на тюпки ноги и смущенно иронела:

— Много пройди пришлось — нажали. И тут он обратил внимание на ноги, тоже загорелые, полные, гладкие. И даже

П. ШМАКОВ

Н О Ч Ь Ю

РАССКАЗ

самому стало совестно от этого взгляда. Отвернулся и стал смотреть в окно. Мимо бежали придорожные молодые топольки и телеграфные столбы.

В городе сошли на одной остановке. Как-то незаметно пошли одной дорогой, незаметно дождались вечера. На центральной улице, засянной цветами, засыпанной красным гравием, стало людно. Но они были одни. Не одиноки, а именно одни. Они были близкими и будто старыми знакомыми. И общего было много. Помнит, много смеялись. Над каждым своим словом.

— И сколько ж тебе лет, Валя? — спрашивала она в минуту затишья между очередными приступами смеха.

— Много тысячелетий, Тоник, — серьезно отвечал он, Валентин.

— Я верю.
— А как же иначе. Я знал Софокла, Еврипида, Аристотеля.

— И воевал с Македонским, — в том ему вторила она и заглядывала в глаза.

Была у нее такая привычка: разговаривать и заглядывать собеседнику в глаза.

— Верно, Тоник «Древней меня лишь вечные создания».

—Ой, как жутко дальше: «Входящие, оставьте упования»! Вель немисливо же жить без надежды! — Погрустнела на мгновение и тут же спохватилась. — А возрасту твою я верю, Валентин. По-латински «силач», здоровяк». Вот и дожил ты до наших дней.

— Точно!

— Я люблю вечерами... речетативом начинал Валентин и Тоня подхватывала:

... быть у реки? Так? Угадала? — по-детски радовалась она и снова заглядывала в глаза.

— А откуда узнала? — поражался Валентин.

— А откуда, что сама я это люблю.

И она входила к реке. Сидели на берегу, на бетонных плитах, смотрели, как через реку горбатился мост, как сверкала под лунной водой, похожая на олифу; слушали тайные вздохи волн, всматривались в вершины гор нагой стороне.

Они сидели близко, касались плечами. Валентин удивился про себя неожиданному родству с совсем незнакомым человеком. Такого с ним никогда не случилось. Никогда он не чувствовал себя таким легко счастливым, до краев наполненным надеждами. А без надежд, и в самом деле, страшно. Дантэ жизнь знал,

Долго молчалось. Потом Тоня сказала: — Ночь хороша, наверное, не сама по себе. Еще и тем, что знаешь: придет утро.

— А встретишь зарю?

— А мы и встречаем. Спать нисколько не хочется. Утром — спишь.

— Хотя у женщин и не спрашивают о возрасте...

— Я моложе тебя на двести двадцать столетий — задумчиво ответила Тоня. — Я знаю только Цицерона. А помнишь, как Македонский пришел к Диогену с предложением?

— А он сидел в бочке и учился ораторскому искусству? Помню, Тоник. Он предложил ему быть у него консулом, а Диоген сердито воскликнул: «Отойди, не засги солнце!»

— Да, были люди, сильные духом. Чуждалась всякой карьеры.

Всходила из-за бора большая луна. Она была желтая и кособокая. На воду упала полоса и прошла реку до дна.

Валентин зажимурился, оторвался от своих воспоминаний и достал со столика сигареты. Но закуривать не стал. Не хотелось горечью табака портить настроение. Удивительно, что воспоминания не дали радости, а принесли с собой боль и горечь утраты. А что же было дальше? Да, на второй день их захватила сильная гроза. Сплошная масса упала сверху, затем вода покрыла асфальт и длинные серебристые гвозди вонзились в потоки. И гвозди вбивал со всего маху огромной кувалдой невидимый кузнец. Небо раскалывалось длинными и ветвистыми молниями, будто кто стегал огненным кнутом по стаду туч.

Тоня влетела в комнату мокрая, расплахнула окно, упала гудью на подоконник и подставила ладони стремительным нитям ливня. Она сказала в тот момент:

— Люблю грозу в начале мая... А ты когда возжаешь?

В голове ее сквозила грусть. Она не повернулась к нему лицом, не посмотрела в глаза. Без подсказки сердце у нее знало: скоро, скоро час расставания.

Валентин подошел к ней, прижал к себе и стал целовать мокрое лицо, отогревать холодные губы. Он хотел сказать, что срок командировки истекает завтра, но Тоня зажала ему рот холодной ладонью и зашептала:

— Не говори, милый. Никогда не говори! Слышишь, не говори о том.

Он знает: она живет в соседнем городе. Он знал ее имя, фамилию, возраст. И рассчитывал скоро найти в том городе. Он этого хотел и знал, что так поступит. Только-только начиналась жизнь Настоящая, большая. Им ничего не надо было из прошлого, прожитого... Гроза за окном угасала и Тоня становилась печальной, нежней. На прощанье она только и сказала своим добрым голосом:

— Я не досмотрела сон...

— Досмотришь! — уверенно выдохнул Валентин. Не было тогда сомнений. Но они-то его и заели. В своем доме он не был хозяином. На работе его пригнали разбором по партийной линии после заявления жены. Оказался он совсем не «силач» и не «здоровяк».

— Тоник, милый, ты помнишь вот такую же ночь? — вслух проговорил Валентин Сергеевич, уже гучноватый, с седыми висками мужчина. — Помнишь нашу грозу? Меня она только не очистила. Меня одного... Но я вернулся в нашу ночь. Вернулся к тебе, Тоник!

Валентин Сергеевич теперь было и вовсе не до сна. Он верил, что вернется.